

РЕЦЕНЗИИ

© 1994 г., ЭО, № 2

Д. В. Цыганкина. Память земли. Саранск, 1993. 160 с.

Рецензируемая книга доктора филологических наук, профессора Д. В. Цыганкина выпущена в свет Мордовским книжным издательством. Она посвящена актуальной теме, имеющей немалое научное и практическое значение. Речь идет о топонимии — географических названиях различного характера, бытовавших или бытующих по сей день на территории современной Мордовской республики, хотя логика исследования и необходимость в убедительной аргументации нередко заставляют автора выходить за пределы указанной территории, являющейся лишь частью земель, исстари заселенных мордвой.

Мордовская топонимия, как и всякая другая, представленная на территории Мордовии, стала привлекать внимание ученых довольно давно. По этой тематике имеется ряд публикаций, принадлежащих перу И. Н. Смирнова, С. К. Кузнецова, П. И. Мельникова, А. И. Попова, В. А. Никонова, И. К. Инжеватова и др. Однако они, как правило, носят очерковый характер и затрагивают лишь частные вопросы, не претендуя на обобщающий подход. Другое дело — книга Д. В. Цыганкина, представляющая по существу первое исследование монографического типа, посвященное как собственно мордовской топонимии, так и иноязычной. Вместе с тем это не просто научная работа, а научно-популярная книга, в которой автор в доступной для массового читателя форме повествует о сложнейших проблемах формирования топонимической лексики, этимологии множества географических объектов, их структуре и семантике, связи с окружающей средой, этносоциальной и этнопсихологической обусловленности. Именно указанное обстоятельство придает книге особый интерес, делая целесообразной ее публикацию. Выход в свет данной работы, без сомнения, будет с интересом встречен читателем, не избалованным обилием литературы по топонимике и чаще имеющим дело с газетными зарисовками, в которых «народная этимология» подчас преобладает над подлинной наукой.

Книга Д. В. Цыганкина «Память земли» состоит из 14 очерков (глав), в которых автор последовательно раскрывает различные аспекты, обуславливающие те или иные названия географических объектов, показывает общее и особенное в этом процессе, иллюстрирует на конкретных примерах сложные связи этноса с этнической территорией, на которой протекает его жизнь и формируется его знаковая система. Много внимания уделяет исследователь раскрытию на топонимическом материале этнокультурных связей, роли иноэтнического компонента в создании «языка» земли Мордовии. Большой заслугой Д. В. Цыганкина следует считать то, что он впервые вводит в науку обширный фактический материал по топонимии, собранный на протяжении многих лет в ходе руководимых им диалектологических экспедиций, полевых учебных лингвистических практик, индивидуальных выездов в различные районы Мордовской республики и за ее пределы.

Сюжеты для всех 14 очерков (глав) выбраны автором довольно удачно. Они последовательно раскрывают различные стороны процесса номинации географических объектов, как макро-, так и микропонимов, их этническую, хозяйственно-культурную и социальную значимость. Все очерки структурно взаимосвязаны и дополняют друг друга, создавая яркое представление о «языке» земли, именуемой Мордовией.

Важным достоинством рецензируемой работы является последовательное стремление автора выявить топонимические пласты, т. е. топонимические системы, в течение времени сменявшие одна другую. Задача эта — одна из труднейших, поскольку требует комплексного подхода к исследованию, корреляции данных языкознания с показаниями других наук — археологии, антропологии, этнологии, истории, фольклористики, географии, религиоведения. К чести ученого следует заметить, что он успешно разрешил ее, убедительно показав, что в Волго-Окском междуречье мордовская топонимия взаимодействовала с топонимией индоевропейцев, алтайцев и других народов.

Пафос книги Д. В. Цыганкина направлен на воспитание у читателей подлинного патриотизма, уважения к памятникам истории и культуры, каковыми являются и топонимы. Она содержит ряд практических рекомендаций по их дальнейшему изучению, сохранению и использованию в современной практике «наращения» городов, сел, улиц, площадей. Не исключено, что некоторые из них могут показаться спорными или даже неприемлемыми, но это не умаляет достоинств книги «Память земли».

Думается, наша рецензия будет неполной, если не сказать и о имеющихся недостатках. Так, в очерке «Имя человека в географических названиях» Д. В. Цыганкин, на наш взгляд, ошибочно считает, что у древней мордвы «личное имя возникло из прозвища, которое давали младенцу» (с. 57). Действительно, в именах и прозвищах есть нечто общее, однако выводить личное имя только из прозвища не совсем корректно. Имя дается при особом обряде лемдима, проводимом над новорожденным, в то время как прозвище человек получал обычно позже, в юношеском или зрелом возрасте. Прозвище могло быть у человека, но могло и отсутствовать, а без имени никто обходиться не мог. Номинация прозвищем не требовала обрядовой санкции.

Говоря о поташных заводах на территории Мордовии, Д. В. Цыганкин отмечает, что «к ним приписывались целые ясашные русские и мордовские деревни» (с. 16), что не совсем верно в отношении

русского населения. Натуральный налог в виде ясака в Московской Руси и в царской России взимался лишь с нерусского населения Поволжья и Сибири.

На с. 55 Д. В. Цыганкин пишет о тюркских топонимах на территории Мордовии, в том числе и возникших от русских фамилий «тюркского происхождения». «К ним, — замечает он, — можно отнести топоним Ушаковка — название русского села в Атяшевском районе и поселка в Темниковском районе, выделившегося из села Алексеевка, где провел свои детские и последние годы жизни адмирал Ф. Ф. Ушаков». «Фамилия Ушаков, — пишет Д. В. Цыганкин, — происходит от тюркского слова ушак (мелкий, малый, невысокий)» (с. 55). В то же время на с. 58 он производит эту фамилию от некалендарного русского имени Ушак (от ушастый). Указанное противоречие нуждается в корректировке.

Ряд наименований географических объектов, особенно поселений, приведен автором в усеченном виде: Н. Ичалки, Н. Тихоновка, Н. Чамзино, Н. Турдаки, Н. Дракино, Н. Карьга, Н. Тавла, М. Козловка, М. Поляна, М. Юнки, М. Давыдово, М. Чуфарово, П. Тавла, Т. Потьма и др. (с. 17, 84, 85, 87, 92—94, 103—105, 109—113 и др.). Лучше было бы дать подобные наименования полностью, ибо не всякий читатель может догадаться, что стоит за сокращениями (мордовское или малое, новое или нижнее и т. п.).

При анализе микротопонимических названий типа «Долгая Нога», «Волчий Хвост», «Волчья Пасть», «Осиновый Рог», «Бровь», «Заячья Ушки», «Макушка заячьей лапы», «Зайчик», «Вороний клюв», «Гусина лапка», «Белый глаз», «Вилы» и др. (с. 90—93), обозначающих лесные объекты, уголья, овраги, озера, ключи, следует концентрировать внимание не только на «эмоциональной оценке, вызванной сложившимся мнением человека о называемом объекте» (с. 90), «чувственном начале, которое соотносится с образным восприятием окружающего мира и получает свое отражение в словесных знаках в качестве названий» (с. 92). Не исключено, что некоторые из них могли быть названиями тамг или бортовых знамен, которыми мордва метила свои бортовые ухажи. В «Списках с писцовых книг письма и меры Дмитрия Пушечникова да подьячего Афонасия Костяева», составленных в первой четверти XVII в., можно найти множество описаний бортовых знамен мордвы: «знамя Ермензино заячьи уши да два глаза», «знамя у них в той вотчине Сююшево орлов хвост», «а знамена у них в той вотчине Чиндясое вилы да четыре глаза», «дуга да пять глазов», «знамя Мотяса Гришина лопатка да четыре глаза», «знамя Сараево бараньи рога да два глаза» и т. д. Однако все эти замечания не могут сколько-нибудь существенно принизить значимость выполненного на высоком научном уровне труда Д. В. Цыганкина. Книга, безусловно, вызовет живой отклик у читателей, интересующихся как проблемами ономастики, так и отечественной историей.

Н. Ф. Мокшин

© 1994 г., ЭО, № 2

Е. В. Ревуненкова. Миф — обряд — религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии. М., 1992. 216 с., илл.

В этнографических исследованиях и обобщающих трудах по мифологии до последнего времени народы Индонезии оставались почти незатронутыми. Е. В. Ревуненкова поставила перед собой задачу восполнить, хотя бы частично, этот пробел. Собрав и обобщив обширную, но крайне разрозненную информацию, касающуюся мифологии и обрядов малайско-индонезийского региона, она рассмотрела соотношение местных мифов и ритуалов (тема религии, вынесенная в заглавие книги как равноправная с темами миф и обряд, разработана значительно меньше). Стержнем исследования Е. В. Ревуненкова сделала ритуал, обосновав это тем, что «ритуал занимает выдающееся место в жизни архаических обществ», что он является одной из форм реализации мифологических и религиозных представлений (с. 8). Для решения проблемы Е. В. Ревуненкова выбрала два типа ритуалов: относящихся к повседневной, хозяйственной жизни (связанных с рисом) и относящихся к сфере искусства (связанных с театром кожаных кукол вааянг пурво). Книга состоит из двух глав, посвященных соответственно культуре риса и театру вааянг пурво. Важное место занимает в книге тема шаманизма, анализ которой начат автором в предыдущей монографии (Е. В. Ревуненкова. Народы Малайзии и Западной Индонезии. Некоторые аспекты духовной культуры. М., 1980). На этот раз внимание сосредоточено на проблеме «шаманство — актер — театр».

Первая часть книги — «Образ риса у народов малайско-индонезийского региона» (с. 14—125) содержит на редкость цельное и глубокое описание роли культуры риса в этом ареале. Удивительно, как автор умудрился на сотне с небольшим страниц дать такой ступок информации, организовать мелко-разрозненный, разбросанный по разным источникам материал в стройный, законченный рассказ, объясняющий и раскрывающий многозначный образ риса. Основные выводы этой части: рис у народов Индонезии мыслится в тех же категориях, что и жизнь человека; отношения между рисом и человеком — отношения взаимодействия; рис представляется индонезийцам живым существом, обладает душой, проходит те же циклы развития, что и человек, наделен способностью говорить; связанный с предками, являясь их воплощением, рис становится объектом мифологизации и сакрализации, обожествленная душа риса трансформируется в персонафицированный образ рисовой богини; в ритуалах и мифах почти невозможно выделить связи с собственно религиозной, мифологизацией риса, обожествление его свойств дают возможность говорить лишь о религиозном контексте всего, что к нему имеет отношение; каждый факт и действие наделены одновременно религиозным, социальным, экономическим, психологическим и культурным смыслом; рис выполняет шаманско-жреческие функции. Ритуалы, связанные с рисом,

дали также автору возможность показать роль слова в архаической традиции, поставить проблему возникновения поэтической речи, выявить точки соприкосновения в деятельности шамана, певца, сказителя, поэта.

Вторая часть называется «Яванский театр плоских кожаных кукол ваанг пуervo и проблема мифа и ритуала» (с. 126—177). Наиболее интересна здесь шаманская тема. Автор рассматривает проблемы шаманской природы театрального действия, психологических основ шаманского творчества, терапевтической роли шамана и целительных свойств театрального спектакля и др.

Один из впечатляющих моментов книги — раскрытие на конкретных примерах процесса перехода сакрального обряда в светское театральное представление. Е. В. Ревуненкова выстроила последовательный ряд из малайских сакральных танцев «белиан», «гебиах», «путри» и «макйонг», в которых постепенно утрачиваются сакрально-обрядовые функции (с. 147, 148). Однако в других местах этой главы недостает критического отношения, какого-то нового ракурса в освещении вопросов, новых фактов. Это касается проблемы происхождения ваанг пуervo, проблемы влияния восточного театра на западный, проблемы театральности, игры и их роли в обществе. (Например, обращаясь к теме истоков ваанг пуervo, автор подробно излагает гипотезу В. Рассерса, созданную в 20-х годах и дополненную позднее Й. Расом, и этим ограничивает свой вклад в решение проблемы.) Выводы этой части: театр ваанг пуervo пронизан религиозными представлениями, он сохраняет сакральный, религиозный характер, он не стал еще чисто театральным зрелищем, стоит на грани религиозной церемонии и театра; по своему происхождению он связан с культом предков, с ритуалами инициации, с шаманскими камланиями; в основе пьес этого театра лежат мифы о первопредках; героями пьес чаще всего являются обожествленные предки, сами божева; шаман является отдаленным прототипом даланга; представление ваанг пуervo — мощное средство социальной психотерапии.

Книгу Е. В. Ревуненковой приятно взять в руки: у нее изящная обложка (худ. Б. Резников), она хорошо набрана и добросовестно отредактирована (ред. М. Брусиловская). В ней почти нет опечаток и лишь несколько мелких огрехов. Из них мне бы хотелось указать на неверное употребление термина «марионетка» (с. 10 и с. 172): в России марионетками называют кукол, управляемых сверху нитями, а в книге речь идет о голеках, т. е. о куклах, управляемых снизу тростями и называемых «тростевыми». Кроме того, мне кажется неуместным определение «глобальный» (глобальный спектакль — с. 147), так как речь там идет не о всемирном, мировом спектакле, а о спектакле, направленном на общение с космическими силами, с божевами. К досадным промахам относится ссылка на работу Бычкова (с. 150), которой нет в библиографии, опечатка в инициалах В. И. Брагинского (на с. 159 — В. В. Брагинский) и т. п. мелочи.

В заключение хотелось бы выразить сожаление по поводу тиража книги: она издана всего в 1500 экземплярах. А это значит, что ее мощный этнографический пласт не откроется многим, кому он мог бы быть очень интересен и полезен, книга оседет на полках узкого круга «академического мира», а далекие от этого мира читатели не смогут воспользоваться плодами огромной эрудиции и большого труда ее автора, не узнают любопытнейших вещей из жизни народов экзотической для нас Индонезии.

И. Н. Соломоник

© 1994 г. ЭО, № 2

Rereading Cultural Anthropology/Ed. by George E. Marcus. L., 1992. XIV. 403 p.

Прошлой осенью, в ноябре 1992 г., в Нью-Йорке состоялась рабочая антропологическая конференция, в которой приняли участие Анет Уайер — нынешний президент Американской антропологической ассоциации (далее ААА), Маршалл Салинс, Джордж Маркус, Джеймс Пикок, Шерли Линденбаум и ряд других ученых. Целью конференции было скоординировать издание печатных органов, выходящих сегодня под эгидой ААА. Ситуация с периодическими изданиями начала вызывать серьезные опасения как в отношении научной, так и в отношении финансовой дисциплины. За последнее десятилетие «распыление» ассоциации на субдисциплины и отдельные общества приняло крайне нежелательные размеры. Сегодня в рамках ААА насчитывается до 30 обществ, каждое из которых считает своим долгом иметь собственный печатный орган. Проблема в том, что добрая половина антропологических обществ настолько обособилась в своей деятельности, что их интеллектуальная продукция либо носит выраженный маргинальный характер, либо вообще не имеет ничего общего с антропологией.

Так, например, общество «Культура и сельское хозяйство» выпускает свой собственный журнал под аналогичным названием. «Общество антропологии сознания» публикует весьма неудачный журнал «Антропология сознания». «Общество антропологии рабочих занятий» также имеет свой официальный печатный орган¹. Издания подобного рода не представляют интереса для широкой антропологической аудитории и не раскупаются. Они даже не могут быть названы междисциплинарными, так как в них связи между дисциплинами оказываются утерянными и вся польза, которую такие издания приносят, относится к сфере деятельности медиков, специалистов по сельскому хозяйству или профсоюзных деятелей. Между тем все эти журналы продолжают финансироваться ААА, в связи с чем появляется неконтролируемая область утечки средств из фондов ассоциации. И поскольку число журналов с каждым годом возрастает (по крайней мере, возрастало до текущего года), правление ААА, наконец,

пришло к выводу, что как научная, так и финансовая ситуация в антропологии выходит из-под контроля и необходима срочная координация действий всех подразделений ассоциации.

Журналы и общество ААА — часть более широкой проблемы в Антропологической академии США — а именно, структуры университетского образования, организованной со времен Боаса вокруг концепции «четырёх областей», четырёх субдисциплин, составляющих антропологию как науку: культурная антропология, археология, физическая антропология и лингвистика. Специализация на сегодняшних кафедрах такова, что практически в каждом университете активно преподаются только одна-две отдельные субдисциплины. Еще 2 года назад Клиффорд Гирц отмечал: «Сейчас у нас все больше кафедр, которые только на словах служат концепции «четырёх областей». Ибо даже там, где она все еще действует, она не очень реальна — скорее, там просто четыре маленьких кафедры внутри одной большой»².

Вопрос о «четырёх областях» и будущем антропологического образования стал предметом специального обсуждения на конференции в Школе американских исследований в марте 1992 г. (г. Санта-Фе, штат Нью-Мексико). Этот же вопрос широко обсуждался на последнем ежегодном конгрессе ААА (г. Сан-Франциско, декабрь 1992 г.). Наконец, официальный печатный орган ААА «Антрополоджи ньюслеттер» пригласил всех антропологов к участию в общей дискуссии о «перестройке» этнографического образования³.

С точки зрения сказанного выше, Нью-Йоркская конференция по журнальному делу является лишь одним из звеньев в цепи общих проблем, с которыми сталкивается сегодня Антропологическая академия США. На Нью-Йоркской конференции было решено сократить число финансируемых ААА изданий до минимума наиболее необходимых и наиболее перспективных журналов (конкретное число изданий пока все еще обсуждается). Одним из таких журналов, наиболее интересных и удачных с антропологической точки зрения в 1980-х годах, был признан журнал «Культурная антропология», основанный и издаваемый с 1986 г. Джорджем Маркусом (в минувшем году Дж. Маркус передал свои функции редактора антропологу Ф. Майерсу). Книга «Перечитывая "Культурную антропологию"», к которой мы хотим привлечь внимание в настоящей ознакомительной рецензии, представляет собой сборник избранных статей, опубликованных в журнале за первые 6 лет его существования.

Сборник интересен в первую очередь тем, что публикуемые статьи подобраны с таким расчетом, чтобы дать читателю возможно более полное представление об интеллектуальных дискуссиях, занимавших центральное место в антропологии США 1980-х годов. В книге восемь разделов, каждый из которых содержит определенное число статей, объединенных либо общей теоретической проблемой, либо практической областью исследований. Так, первый раздел содержит критику антропологических подходов и методов этнографического исследования и отражает действительно широкую волну критических настроений, прокатившихся по академии в 1980-е годы. Раздел открывается статьей известного антрополога и лингвиста Стивена Тайлера, посвященной критике формальных методов когнитивной антропологии и этнонауки. Эта статья дает наглядное представление о том, как меняются времена и взгляды. В 1960-е годы С. Тайлер сам был одним из зачинателей и активных защитников когнитивных исследований — его книга «Когнитивная антропология» (1969 г.) до сих пор считается одним из наиболее показательных образцов лингвистического формализма в этнографии⁴. В 1980-е годы, однако, под влиянием интеллектуальных критических движений С. Тайлер, как у нас говорилось, признал свои ошибки. Его последняя книга, вышедшая в 1987 г., по существу перечеркивает все то, чему ученый посвятил половину своей жизни⁵. Это само по себе редкое явление в научном мире, особенно в научном мире США, и потому достойно быть отмеченным.

Если С. Тайлер сосредоточивает внимание на критике лингвистических методов, то другой антрополог, Майкл Таусиг, рассматривает недостатки методологии, которая не позволяет, как он считает, описать бытовую культуру современного общества. Недостающее и очень важное звено, говорит Таусиг, состоит в том, что бытовые культурные установки людей в высшей мере обусловлены визуальным, или зрительным, образом ежедневных реалий, а не «философской» концептуальной логикой, по существу используемой большинством культурологов в их попытках объяснить человеческое поведение. Логика «ходячих» реалий, по мнению Таусига, всегда в достаточной мере произвольна и ограничена ситуационным моментом, представляющим собой зрительное экологическое поле, в котором находится индивид. В такой ситуации поведение человека — это всегда в большей мере бессознательная реакция на визуально активные объекты, нежели сознательная реакция на «концептуальную» схему происходящего. Теория М. Таусига в значительной степени навеяна размышлениями немецкого критика и философа Вальтера Бенжамина и работами представителей Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймера.

Статья Арджуна Ападураи прослеживает концепцию «иерархии» и «касты» в этнографических трудах, начиная с ее толкования во французском структурализме. Основная часть статьи посвящена критическому разбору книги известного французского этнолога Луи Дюмона «Гомо иерархикус» о кастовой системе в Индии⁶.

Эссе Альчиды Рамос дает любопытнейший обзор изучения бразильских индейцев яномами за последние 30 лет. А. Рамос сравнивает монографии трех антропологов, работавших среди яномами в 1960, 1970 и 1980-е годы, в труде одного из которых эта группа предстает как «свирепый народ», другого — как «эротический народ», третьего — как «интеллектуальный народ». А. Рамос, сама посвятившая большую часть своей полевой практики в 1970—1980-е годы изучению различных подразделений яномами, представляет факты из собственного полевого опыта и показывает, насколько эстетизированным и отдаленным от реальности является образ амазонских индейцев в современной этнографической литературе.

Интересующиеся этнографией Океании найдут также любопытной статью Джеффри Уайта о научной конференции, проведенной летом 1987 г. на Соломоновых островах и посвященной народной памяти тихоокеанцев о второй мировой войне. Дж. Уайт, являвшийся в 1987 г. одним из организаторов конференции, наблюдает сегодня, какую огромную роль неожиданно сыграла эта конференция в консолидации этнического самосознания меланезийцев. Вместе с тем, рассказывает Дж. Уайт, факт выбора Соломоновых островов местом встречи отрицательно сказался на научных результатах конференции, ибо интересы этнографов пришли в жесткое противоречие с интересами местных политических деяте-

лей и ветеранов войны. Кроме того, совершенно неразрешимой и неконтролируемой оказалась на конференции языковая ситуация, где каждый выступающий говорил на своем варианте пиджинов и диалектов, непонятных остальным присутствующим.

В разделе «Свидетельства» читатели найдут две обстоятельные статьи антропологов О. Старна и Ж. Майера о современной политической ситуации в Андах, жизни перуанских гверильсов и проблемах этнографии этого региона. Название раздела подчеркивает, что упомянутые статьи представляют собой новый тип этнографических работ, становящийся все более популярным в США и возникший как реакция на традиционные культурно-антропологические исследования. Этот тип может быть верно охарактеризован как «социополитический репортаж».

Раздел «Поэтика» представлен единственной статьей К. Бэсоу о символике языка и географического пейзажа у индейцев апачи. Хотя подобные «чисто» символические исследования становятся все менее популярными в американской антропологии, тем не менее, это — одно из живущих направлений, до сих пор объединяющих множество этнографических кафедр в университетах США.

В других разделах наиболее интересными работами являются статья Фреда Майерса (нынешнего редактора журнала «Культурная антропология») об ориентации традиционного австралийского искусства на западный рынок и влиянии данной культурной политики на жизнь местного населения Австралии, а также очерк исследовательницы Фэй Гинзбург о роли средств массовой информации, телевидения и видеотехники в культурном самоопределении малых народов на американском и австралийском континентах. В очерке Ф. Гинзбург разбирается ряд новых и острых проблем, возникших за последнее десятилетие в связи с широким распространением видеотехники среди индейских групп США и аборигенных групп Австралии. Впервые получая полный доступ к западной кинематографической продукции, местные группы вместе с тем неожиданно находят новый повод для выражения культурного протеста. Сегодня культурные движения направлены против таких фильмов, как «Крокодил Данди», против классических «вестернов» Джона Форда 1950—1960-х годов, изображающих покорение индейского населения белыми американцами, и т. п., т. е. против тех фильмов, которые мы любим смотреть и ценим как наше культурное наследие.

Как реакцию на новые направления и стратегии антропологических исследований 1980-х годов можно рассматривать статью известного этнографа, представителя старшего из ныне здравствующих поколений этнографии США, Мелфорда Спайро. Статья, озаглавленная «Культурный релятивизм и будущее антропологии», возвращает нас к дискуссиям 1960-х годов и представляет все экспериментальные движения 1980-х годов как очередной виток релятивизма. М. Спайро прослеживает историю релятивизма в этнографии и выделяет три его специфических типа: 1) «описательный» релятивизм этнографии XIX в.; 2) «нормативный» релятивизм школы Боаса и параллельного ему немецкого диффузионизма; 3) «эпистемологический» релятивизм современной этнографии. Далее М. Спайро подразделял каждый отдельный тип релятивизма на два-три подтипа, и, как нам кажется, здесь его схема предстает чрезмерно усложненной и абстрактной. Вместе с тем критика М. Спайро является хорошим предупреждением молодому поколению этнографов, которое часто в погоне за «междисциплинарной» модой уходит в отрыв от всех дисциплин, т. е. в действительный эпистемологический релятивизм.

Введение к книге и статья Джорджа Маркуса также обращены к общим проблемам современной этнографической практики. Дж. Маркус выражает сожаление, что американская антропология, на протяжении века связывавшая себя с идеей «культуры», по существу мало что сделала для превращения дисциплины в широкую арену объединенных историко-социо/культурных исследований. Большинство сегодняшних исследований такого рода выходит, в академическом смысле, из межкафедральных «Центров по исследованию культуры», возникших повсеместно в 1980-е годы в университетах США под широким влиянием идей «Бирмингемской школы» Рэймонда Уильямса и Стюарта Холла и французской постструктуралистской мысли (М. Фуко, Ж.-Ф. Лютар, Ж. Делез и др.). Все большее число антропологов начинает связывать свою деятельность с такими «культурными центрами». И это не может не вызывать тревогу в академии за судьбу дисциплины. Официальная кафедральная деятельность становится все более консервативной там, где она представлена старшим поколением этнографов, и все более радикальной и антидисциплинарной там, где она представлена младшим. Таким образом, в общем научном дискурсе имеют место две противоречивые тенденции: работы младшего поколения теряют дисциплинарный статус и признание, а в работах старшего поколения происходит, как это называет Дж. Маркус, сугубо консервативное «воспроизводство канона», которое совершенно слепо к изменившимся реалиям в мире. В то время как на повестке дня стоят национальные движения и культурные взрывы во всех частях света, сотни и сотни антропологов продолжают писать книги про несуществующие (или существующие, но, по крайней мере, тысячи раз описанные) линиджи, ритуалы и символические системы. Более того, различные кафедры продолжают отстаивать свои частные взгляды, сохраняя и умножая прошлый научный антагонизм между школами. Дж. Маркус иронически отзывается об этой ситуации, говоря, что вся академия разбилась на ряд воюющих «текстуальных сообществ», давно оторванных от полевых реалий, и что вся борьба между этими «сообществами» сосредоточена на страницах журналов и заключается только в авторитетности и удачности помещения материалов.

В доказательство этого факта мы можем сослаться на весьма курьезный случай. Сразу после появления в печати рецензируемой книги «Перечитывая "Культурную антропологию"» М. Спайро прислал редактору два письма, в которых изложил жалобу на то, что его статья представлена в невыгодном свете и в неудобном месте в книге. Это иллюстрирует характерное беспокойство консервативного крыла академии за свои позиции в сегодняшних научных дискуссиях. В данном случае М. Спайро полагал, что статья (с достаточно громким названием) будет помещена в конце книги как финальное и завершающее слово. Однако времена меняются, и, как отозвался Дж. Маркус, «сегодня необходимы не завершающие слова, а хорошие начинания».

Завершающим словом в книге представлен своего рода эксперимент — историко-этнографический очерк Джули Тэйлор о культуре аргентинского танго. Данный очерк, мы уверены, найдет исключитель-

но интересным не только специалист по Латинской Америке, но и любой читатель, которому предоставится возможность познакомиться с рецензируемой книгой.

Примечания

¹ В список «неудачных» входят, например, следующие издания: «Anthropology of Consciousness», «Anthropology of Work Review», «Anthropology and Humanism Quarterly», «City and Society», «Culture and Agriculture».

² Handler R. An Interview with Clifford Geertz//Current Anthropology. 1991. V. 32. P. 611—612.

³ Givens D. B., Skomal S. N. The Four Fields: Myth or Reality?//Anthropology Newsletter. 1992. V. 33. № 7. P. 1, 17.

⁴ Cognitive Anthropology/Tyler S. A. N. Y., 1969.

⁵ Tyler S. A. The Unspeakable: Discourse, Dialogue and Rhetoric in the Postmodern World. Madison, 1987.

⁶ Dumont L. Homo Hierarchicus. Chicago, 1970.

А. Л. Елфимов

ОПЕЧАТКА

В № 6 1993 г. на стр. 154 предпоследний абзац следует читать:
Иными словами, иранцы-саки знакомят с этим типом хозяйства тюрков, те — монголов, а монголы — тунгусов и маньчжур.

135 x 210